

WORLD CLASSICS BOOKS

ВЕРА
КРЫЖАНОВСКАЯ

МЁРТВАЯ ПЕТЛЯ

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К85

Крыжановская В.И.

К85 Мёртвая петля / В.И. Крыжановская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 244 с. — (World Classics Books).

ISBN 978-5-521-76750-2

История развития литературы — понятие куда более обширное, чем можно предположить, и куда более сложное, чем может вообразить студент-первокурсник филологического факультета. Неизменно всякий выбор «лучших книг» и «обязательных к прочтению» писателей сопровождается беспощадным отсечением жемчужин мысли от одобренной нормы и «золотого стандарта». За бортом остается множество гениев, признанных и непризнанных, и шедевров мировой литературы. Книги серии «World Classics Books» — попытка расширить устоявшееся в умах понятие классических книг и обязательных для образованного человека авторов, предложив читателю произведения, о которых он либо совсем не слышал, либо знаком очень издавна. Однако представленные в серии труды — в некотором роде веховые этапы на сложном пути развития мировой литературы, без которых трудно составить представления о различных жанрах, литературных школах и целых эпохах развития мировой культуры.

На обложке представлена репродукция картины Льва Феликсовича Лагорио «Дача», 1892, Луганский областной художественный музей, Луганск.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I.....	5
Глава II.....	17
Глава III.....	33
Глава IV.....	49
Глава V.....	61
Глава VI.....	75
Глава VII.....	91
Глава VIII.....	101
Глава IX.....	117
Глава X.....	135
Глава XI.....	151
Глава XII.....	165
Глава XIII.....	177
Глава XIV.....	193
Глава XV.....	205
Глава XVI.....	223

ГЛАВА I

*«Я-то спюю, исполню свой долг,
сказал петух, — а рассветет или
нет, это — уж не от меня зависит».*

Грузинская пословица

На Большом проспекте Петербургской стороны стоял старинный каменный двухэтажный дом с садом.

Очевидно, в нём давно не было никакого ремонта, и дом имел запущенный вид; из под обсыпавшейся штукатурки на стенах кое-где выглядывали кирпичи, а украшавшие ворота и поддерживавшие герб с княжеской короной кариатиды выветрились, почернели и стояли с отбитыми носами.

Был холодный и мглистый октябрьский день. Ворота дома были открыты настежь, а за ними виднелся большой мощёный двор и подъезд с двумя фонарями на каменных колоннах, бывших когда-то белыми, но теперь ставших грязно-серыми.

В глубине двора, у чёрного входа, собралось несколько человек прислуги, оживлённо разговаривавших. Там был дворник в полосатой шерстяной фуфайке и с метлой в руках, швейцар, лакей в сильно поношенной ливрее, конюх и повар в колпаке и фартуке сомнительной чистоты. Они окружили и слушали молодого плутоватого лакея, который громко разглагольствовал.

— А я вам повторяю, что то — правда. Голову даю на отсечение — не нынче завтра про то объявка будет. Кто

хочет со мной об заклад биться на бутылку шампанского, которую я бесприменно сопру в обручение? — нагло усмехаясь, закончил лакей.

— С ума ты спятил, Петр! Подумай только, что годишь. Статочное ли дело, чтобы князь Пронский, большой барин, вельможа, можно сказать, отец пятерых детей, и женился на жидовке? Ведь срамота-то какая, подумай, да стыд для всего семейства! Нет, про то подумать невозможно! Ты что-нибудь путаешь, — ответил старый лакей.

Его озабоченное, морщинистое лицо даже покраснело от негодования.

— Эх, Прокофий Емельяныч! Как вы, значит, тридцать с лишним лет в доме прожили, да лучшие времена видавали, так вот вы и не можете к разорению господ привыкнуть. А я вам то, верно говорю, что к свадьбе идёт. И дивиться тут нечему, когда об наших делах помыслишь. Всюду долги: дом заложен и последнее именьешко продано; а векселя да исполнительные листы так дождём и сыпятся. По всем, как есть, магазинам задолжали. От таких делов и на самой чёртовой прабабушке женишься.

— Ещё бы, — вмешался повар, размахивая ложкой, которую держал в руках. — В мясной забрали больше трёхсот рублей, и того гляди, креди закроют, а в молочной и зеленой тоже давно не плачено. А какое у нас меню? Тьфу! Разве это обед в княжеском доме? Коли перемены не будет, я двадцатого числа от места отказываюсь. Прав, стыдно нос показать в лавке. Да я сам за последний месяц жалованье не получал.

— Всё равно как я, — со вздохом проворчал швейцар. — Мне ещё за два месяца должны. Ливрея вся сносилась; полюбуйтесь, какую заплату мне жена на локтю поставила; даже не отдали портному в починку. Кабы не дети, да большая комната с кухней, я бы давно ушёл.

— Очень просто, что убежишь от энтакого дома. Работы сверх головы. Вот уж пять часов, а у меня куска во рту не было. Даже и «чаев» нет, потому никто из настоящих господ к нам не ездит, — презрительно прибавил Петр.

— А что это за жидовка такая? С толкучки что ли? — осведомился Прокофий, слушавший молча и грустно понутив голову. — Там из старьёвщиков есть очинно богатые! Вот, к примеру, Мовша Майдель, у которого я пальто и другие вещи покупаю, большие деньги имеет, да и дочь у него, кажется, есть.

— Вот ещё! Что выдумали! — захихикал молодой лакей. — Нет, наша будущая княгиня другого сорта; ейный «тателе» миллионщик, банкир Аронштейн, а она у него единственная дочь. У одного из братьев в Киеве огромный сахарный завод; а другой Аронштейн богатющий лесоторговец в Вильне. Я его знаю, он теперича здесь. Его камердинер мне двоюродным братом приходится; вот он то мне и рассказал все новости.

— Как же это князь может жениться на жидовке, когда наш закон запрещает нехристей за себя брать? — не сдавался Прокофий, хватаясь за это соображение, как утопающий за соломинку. На это Петр в ответ только презрительно свистнул.

— Ну, это свадьбе не помеха. Она крестится, только и всего. Вообще, почтеннейший Прокофий Емельяныч, все-

му этому тиранству, на счёт веры, конец приходит. Не дальше как позавчера я слышал, как барин с сенатором Алымовым о том говорили, что в Питере это — решенное дело, и что будет объявлена свобода веры; тогда всякий женится на ком угодно, даже веру себе выберет кто какую захочет. Я вам предсказываю так же верно, как прозываюсь Петром Биелковским, что тогда много русских перейдёт в нашу свенту виру католическу!

— То правда, — поддержал его повар, заядлый поляк и фанатик, подобно Петру. — Потому наша вира католическа — панска вира, а ваша православна — хамска для быдла, для голодрапанцев.

Оба поляка были рады задеть за живое их непримиримого врага — Прокофия, не менее стойко защищавшего всегда своё православие, национальность. Но тот, в ответ на оскорбление, плюнул в сердцах повару в лицо и пошёл в дом.

— А, пшеклентый москаль, — заревел повар, бросаясь ему во след с поднятой ложкой в руке, — ты за это заплатишься.

Ссора, вероятно, закончилась бы свалкой, в которой принял бы участие и конюх с вожжами в руках, но в это время лихач влетел в ворота и остановился у большого подъезда. Люди поспешно разошлись.

— Папа дома? — спросил приехавший на извозчике юный камер-паж.

— Никак нет! — Его сиятельство в десять утра изволили выехать, — ответил Петр, помогая ему выйти из экипажа.

Прибывший был юноша лет девятнадцати, высокий и стройный, с густыми белокурыми волосами и темно-кариими глазами, казавшимися почти чёрными. В эту минуту он был, по-видимому, чем-то взволнован и озабочен.

Расплатясь с извозчиком, он вошёл в обширную прихожую с колоннами и стал подниматься по широкой лестнице, без ковра, украшенной двумя белыми мраморными вазами, предназначавшимися для цветов или растений, но теперь пустыми. На первой площадке лестницы стояло большое зеркало в роскошной, но почерневшей от времени раме, а рядом бронзовая статуя женщины, державшей лампу.

Паж поднялся во второй этаж и длинным коридором прошёл в просторную и запущенную комнату, с двумя венецианскими окнами в сад. Мебель была золочёная, крытая старым, выцветшим штофом; письменный стол и пузатая шифоньерка, в стиле Людовика XVI, украшенные бронзой и медальонами, были верхом изыска; потолок был расписной и лепной. Через открытую, красного дерева дверь видна была спальня с большой постелью, драпированной голубым на оранжевой шелковой подкладке штофом; стены были расписаны амурами и гирляндами. Но всё это как-то завяло, выцвело, износилось и говорило о минувшей роскоши и погибшем богатстве, которое теперь своими блестящими обломками прикрывало всюду проглядывавшую нищету. Белесоватый полусвет тёмного октябрьского дня только усиливал это мрачное и тоскливое впечатление, рассеять которое не мог яркий огонь, пылавший в камине.

Юноша снял каску и шпагу, расстегнул мундир и, усталый, опустился в кресло. Он так крепко задумался, что не заметил, как вошёл старый лакей и поставил подле него на стол поднос с чаем, хлебом, маслом и сыром.

— Не угодно ли испить стаканчик горячего чайку? Погода нынче студёная.

Паж вздрогнул и выпрямился.

— А, это ты, Прокофий? Спасибо, старый друг, но чаю я не хочу. Скажи-ка лучше, знаешь ли ты, что здесь творится... насчёт отца, — добавил он с усилием. Старый слуга смутился.

— Болтают разное, — нерешительно, вполголоса ответил он. — Да я поверить не могу, чтобы его сиятельство забыли, кто они...

Старик запнулся, увидав, что молодой князь закрыл лицо руками и тяжело вздохнул.

Настало молчание, как вдруг отворилась дверь из коридора, и на пороге далась молоденькая, лет восемнадцать, девушка, которую по сходству с пажем можно было принять за его сестру.

Она была стройна и тонка, с дивным цветом лица и большими, чёрными, как у газели, глазами; густые, золотисто-каштановые волосы, заплетённые в две косы, падали ниже колен.

По-видимому, она тоже была в сильном волнении: щеки её пылали, и глазки горели. Девушка бросилась к брату, схватила его за руку и заговорила, торопливо задыхаясь:

— Арсений, если бы ты только знал, что мне сегодня сказали в консерватории! Одна из учениц моего класса,